

УДК 323.21:659

Н.Г. Щербинина

ВИЗУАЛЬНЫЙ ОБРАЗ И ОПТИЧЕСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ

Рассматриваемый в статье визуальный образ соотносится с оптическим политическим режимом, оказывающим на него влияние и одновременно являющимся сконструированным продуктом политико-коммуникативной среды.

Ключевые слова: визуальный образ, технический образ, оптический политический режим, конструирование политической реальности.

Феномен визуального образа принадлежит пространству политической культуры. Так, фотографии политических объектов, видеоряд политической рекламы, электронные медиа, выполняющие политические функции, и прочие конструкции визуальной составляющей политической реальности могут нами пониматься как политико-культурные «тексты», которые «считывает» коллективная личность. Сегодня уже очевидно, что визуальный образ не отражает объективную действительность, но символически конструирует политический мир. Сам же визуальный образ политического мира конструируется способом моделирования, т.е. в основе визуального образа всегда лежит идея, выраженная символическим рядом.

Конечно, политическую феноменологию интересует в первую очередь тот смысл, который задается визуальной образной сфере властью-конструктором. Однако власть здесь действует посредством СМК и потому из обычного посредника медиа превращаются в со-конструктора политической реальности. В итоге визуальный образ становится некоей техногенной призмой, сквозь которую человек политический видит объективный мир. При этом надо различать образ власти и фотографии властителей, репрезентирующие власть телекартинки, портретные изображения и т.д. Мы имеем в виду, что визуальные презентации сами по себе недискурсивны. Потому изображения могут быть визуальными сообщениями лишь в контексте политического дискурса и в общем пространстве информационного символического политического обмена.

И здесь на первое место выходит технологический аспект, накладывающий отпечаток на процесс означивания визуального образа. Общее понятие *технического образа* в контексте медиа-теории (на конкретном примере философии фотографии) раскрывает немецкий культуролог Флюссер. Согласно Флюссеру, изначально человек творил с помощью фантазии образы-изображения мира. Затем было совершено первое структурное открытие – изобретена линейная письменность для того, чтобы тексты письма объяснили первоначальные образы фантазии, стали их метакодами. С тех пор тексты господствовали в культуре. И вот было совершено второе великое открытие – появился технический образ – «образ, созданный аппаратом». (Аппарат Флюссером понимается в широком смысле.) Перед нами конструкт конструктов, ведь новый образ абстрагирован даже не от первичного мира, а от

вторичного текста. И технический образ лишь новая иллюзия – иллюзия объективности и кажущейся несимволичности. Но на самом деле изначальный мир еще раз перекодируется с помощью технических образов.

Сегодня чтобы стать политически значимым событием или политически значимой персоной, надо визуализироваться через экран телевизора или визуально репрезентироваться в виде электронной фотографии. И только тогда человек политический станет общаться с техническим образом. В итоге массовое тиражирование фотографий заключает человека в особый *политический фотографический универсум*. При этом технический образ создается аппаратом, а программа задает данный образ. Аппарат тем самым предстает как часть культуры, и цель его состоит в том, чтобы изменять значения мира. И фотоаппарат, и госаппарат сегодня производят символы. Например, государственный аппарат, по сути, есть структура, занимающаяся переозначиванием мира. То есть аппарат не делает «работу» и даже не изменяет мир, но изменяет значения мира. Аппаратный же «функционер» как раз тот субъект, который «играет» аппаратом, но и сам он остается лишь функцией аппарата. *А символическая власть*, по нашему мнению, *у того, кто исчерпывает программу*, ведь представление программиста образует конституирующий элемент технического образа. В политике символическая власть вообще всегда у государства (и его аппарата), но тот, кто дает ход программе и истощает ее – тот конкретный носитель символической власти. Именно он может переоценить ценности и переозначить мир. Отсюда и власть лидера-программиста, но даже политический лидер обречен опираться на аппарат.

Это означает, что человек переживает мир политики как «реальность», исходя из функций электронной фотографии политических объектов, картинок теленостей, визуального ряда политической рекламы и т.п. Именно данные визуальные ряды (политического фотоуниверсума, телемира политических новостей, мира политической рекламы) и сообщают сегодня коллективной личности политико-культурные модели мышления и поведения. Таким образом, визуальная репрезентация политического, в частности, конституируется посредством фотографии. Любая фотореальность, будучи политически сконструированной, тем не менее выглядит «документально» реальной. Например, в сталинский период мир визуализировался с помощью фотографии не таким, каков он есть, но таким, каким он должен стать. И «фотофакты» новой жизни репрезентировали социалистическую утопию, которая тем самым становилась «реальной». Поскольку оптика здесь подчинялась политической идеологии, создавая особый режим видения, постольку техники визуализации должны были «инсценировать» политическую реальность СССР. В данной связи Сарторти выделяет три фототехники, которые формировали сфабрикованную «реальность фотокультуры II» как составляющую соцреализма:

- 1) исключение (перемещение объектов в другой контекст);
- 2) ретуширование;
- 3) фотомонтаж.

На подобном основании и моделируются «зрители» как основные акторы оптических режимов. Для постсовременной политической культуры России вообще характерно превалирование субкультуры «наблюдателей». Такое со-

стояние коллективного сознания, по нашему мнению, означает не только наличие выраженной позиции «наблюдателя» со стороны народа, но и утверждение некоего оптического режима как преобладающего легитимного символического насилия со стороны власти. Одной из знаковых сущностей, символизовавших режим видимости еще в СССР, была географическая карта, а вожди (Ленин и Сталин) изображались криэйторами нового мира. Примечательно, что в теленовостях в 2006 г. была продемонстрирована аналогичная инсценировка с президентом Путиным в главной символической роли, сформировавшим посредством карты РФ новую политическую реальность. Он вышел к карте и прямо «на глазах» телезрителей переконструировал один из главных энергетических проектов – нефтепровод Восточная Сибирь – Тихий океан.

Путин вообще сформировал некий «визуальный» режим политической коммуникации. Он продемонстрировал «наглядные» факты-конструкты своей символической власти: одаривание («Волгой»), когда в телеритуал общения встраивается соответствующая «картинка»; знаменитая сцена в Пикалево, где Путин наглядно показал свою власть над олигархами и одарил производство госзаказом; все повышения зарплат бюджетников, пособий и т.п. материальных ценностей «зримо» связывались и связываются с Путиным. Цель данной визуальной технологии в создании особого оптического режима, делающего власть «видимо присутствующей», когда она демонстрирует свое символическое господство над пространством. Тем самым лидер наглядно производит что-либо особо значимое из небытия в бытие, т.е. присваивает себе сакральную рольдемиурга. Характерно и визуальное решение Путиным проблемы «чистых выборов» 2012 г.: все избирательные участки были снабжены камерами наблюдения, этим электронным «оком». Конечно, речь идет о конструировании виртуального политического мира, но он, этот мир, визуально реален.

Нашу точку зрения подтверждают и выводы социолога Дубина о том, что массовое телевизионное зрелище трансформируется в «общество зрителей», которые символически связываются в интегративную конструкцию, сфокусированную на фигуре политического лидера. На деле *конституируется визуальная политическая коммуникация без обратной смысловой связи*, что способствует установлению априорного согласия власти и народа. В данном символическом отношении Путин играет лишь церемониальную роль, а роль зрителей сводится к «телесмотрению».

Впрочем, когда мы ведем речь о постсовременных визуальных режимах, надо принимать во внимание не только телевидение, но и интернет-коммуникацию. «Теленаблюдение» в данной связи можно рассматривать как наблюдение «первого уровня», когда осуществляется пассивное созерцание. Интернет дает возможность вести наблюдение «второго уровня». Здесь меняется сам характер феномена наблюдения и «наблюдателя», который воспринимает политический мир по-своему и творит собственный образ лидера. Тем самым возникает своего рода «скрытое наблюдение», вызывающее эффект нейтрализации политического управления с помощью Интернета. В любом случае визуальное воздействие Интернета плохо поддается политическому конструированию реальности «сверху», но тяготеет к самоконструированию и социальному конструированию реальности.